

Посвящается
Сьюзен, Полу и Джейми, Бобу и Марлен,
Эллен, Джейн и Дэмиену

Окна дома были пусты, словно глаза мертвеца. Классический калифорнийский дом: с верандой по фасаду и двумя слуховыми окнами на скате крыши. Из-за стекол нигде не пробивался свет, — наоборот, в доме царила злобующая тьма, сквозь которую не проникал даже свет уличных фонарей. На крыльце вполне мог кто-нибудь стоять, но Босх был не в состоянии что-либо рассмотреть.

— Ты уверена, что это здесь? — спросил он.

— Это не в доме, — ответила женщина. — Это позади него, в гараже. Проезжайте вперед, и с дорожки вы его увидите.

Босх тронул педаль газа; его «каприс» двинулся вперед и оказался прямо напротив дома.

— Вот, — сказала она.

Босх остановил машину. За домом действительно стоял гараж, над которым располагалось жилое помещение. Деревянная лестница, над входом в квартиру горит свет. Два освещенных изнутри окна.

— Ладно, — произнес Босх.

Несколько мгновений они молча смотрели на гараж. Босх и сам не знал, что именно он ожидал увидеть. Очевидно, ничего. От шлюхи так разило духами, что он опустил стекло. Можно ли доверять ее заявлению, он не знал. Единственное, что он знал точно, — что не может сейчас вызвать подмогу. Ровер — переносную рацию — он с собой не взял, а в машине не было телефона.

— И что же вы собираетесь... вот он! — неожиданно вскрикнула она.

Босх действительно заметил, как за окном поменьше промелькнула тень. «Наверное, там ванная», — подумал он.

— Он в ванной, — промолвила она. — Именно там я это и увидела.

Босх отвернулся от окна:

— Что «это»?

— Я... проверила шкафчик. Когда там была. Решила посмотреть, что у него есть. Знаете, таким девушкам, как я, надо быть очень осторожными. Ну вот, я и заметила у него косметику — ну там, тушь для ресниц, губную помаду, пудру и все такое. Вот тогда я и поняла, что это он. Всем этим он их раскрашивал — ну, после того, как убьет.

— А почему ты не сообщила мне об этом, когда звонила?

— А вы не спрашивали.

Фигура мелькнула за занавесками уже в другом окне. Мозг Босха лихорадочно работал, сердце сильно колотилось.

— И сколько времени прошло с той минуты, как ты отсюда сбежала?

— А черт его знает. Я шла по Франклину, потом поехала на Бульвар с одним клиентом, чтобы перепихнуться с ним в машине. С ним я была минут десять. Так что не знаю.

— Подумай. Это важно.

— Не знаю. Наверное, больше часа.

«Черт, — подумал Босх. — Вместо того чтобы сразу позвонить в спецгруппу, она сначала обслужила клиента! А ведь в ее голосе звучало искреннее беспокойство. Сейчас сюда направлялось бы подкрепление, а я просто сидел бы и вел наблюдение».

Проехав дальше по улице, он нашел место для стоянки возле пожарного крана. Двигатель он выключил, но ключи оставил в замке, а сам выскочил из машины.

— Слушай, сейчас я пройду туда, — заявил он, просунув голову в открытое окно. — Ты останешься здесь. Если через десять минут я не вернусь или если ты услышишь выстрелы, сразу стучи во все двери и зови сюда копов. Скажешь им, что полицейский нуждается в помощи. На приборной доске есть часы. Десять минут.

— Десять так десять, красавчик. Теперь ты станешь героем. А я получу вознаграждение.

Быстро пройдя по подъездной дорожке, Босх вытащил из кобуры пистолет. Ступеньки были старыми и скрипучими. Босх перепрыгивал сразу через три и двигался как можно тише, но все равно ему казалось, что он оповещает весь мир о своем приближении. Добравшись до верха, он пистолетом разбил лампочку; затем, откинувшись на перила площадки, поднял левую ногу и, перенеся на нее весь свой вес, ударил в дверь чуть повыше дверной ручки.

Дверь с треском распахнулась. Пригнувшись и приняв стандартную боевую стойку, Босх переступил через порог и тут же увидел на другой стороне комнаты, за кроватью, какого-то мужчину — голого и лысого. Даже не просто лысого, а полностью лишенного волос. В глазах мужчины мгновенно появился страх.

— Полиция! — резко крикнул Босх. — Не двигаться!

Мужчина застыл на месте, но уже через мгновение его правая рука полезла под подушку. Босх не верил своим глазам — какого черта он это делает? Время замедлило ход; разлившийся по жилам адреналин придал зрелищу четкость замедленной съемки. Босх понимал, что мужчина лезет под подушку или для того, чтобы чем-нибудь прикрыться, или...

— Не делай этого!

Мужчина по-прежнему не сводил глаз с Босха, и тот вдруг понял, что в них больше нет страха. Теперь в их выражении появилось что-то другое. Гнев? Ненависть? Рука мужчины начала доставать что-то из-под подушки.

— Нет!

Держа пистолет двумя руками, Босх выстрелил, ствол оружия дернулся вверх. Голого мужчину отбросило назад и вверх. Ударившись о стену, обшитую деревянными панелями, он снова подался вперед, рухнул на кровать и задергался. Босх подбежал к кровати.

Левая рука мужчины снова полезла под подушку. Босх коленом пригвоздил его к кровати, снял с пояса наручники и сковал сначала левую, затем правую руку. Голый мужчина мычал и стонал:

— Я не могу... я не могу... — и, не договорив, тут же закашлялся кровью.

— Ты должен был сделать так, как я сказал, — заявил Босх. — Говорил тебе: не двигаться!

«Ну давай, умирай, — подумал Босх. — Так будет лучше для всех нас».

Обойдя постель, он поднял подушку, несколько мгновений смотрел на то, что лежало под ней, затем уронил ее на место. И на секунду прикрыл глаза.

— Черт побери! — крикнул он, обращаясь к затылку голого мужчины. — Что же ты наделал? Я навел на тебя эту гребаную пушку, а ты стал тянуться — я же говорил тебе: не двигаться!

Босх обошел вокруг кровати и встал так, чтобы видеть лицо мужчины. Из его рта на испачканную белую простыню капала кровь. Босх знал, что его пуля прошла через легкие. Голый мужчина теперь превратился в умирающего.

— Ты не должен был умереть, — произнес Босх.

Но мужчина все-таки умер.

Босх огляделся по сторонам. В помещении больше никого не было. Проститутка наверняка сбежала — в этом он не сомневался. Он прошел в ванную и открыл находившийся под раковиной шкафчик. Как и говорила проститутка, косметика была на месте. Босх узнал известные торговые марки: «Макс фактор», «Лореаль», «Ревлон», «Кавер герл». Все как будто сходилось.

Он обернулся к лежавшему на кровати труп. В воздухе еще витал запах пороха. Босх закурил. В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как потрескивает табак.

Телефона в квартире не было. Сидя на крошечной кухне, Босх терпеливо ждал. Сердце его учащенно билось, голова кружилась. К лежавшему на кровати мужчине он не испытывал никаких чувств — ни вины, ни жалости. Абсолютно ничего.

Вместо этого он попытался сосредоточиться на звуке сирены, которая звучала в отдалении и постепенно приближалась. Вскоре он сообразил, что сирена не одна. Их много.

ГЛАВА 1

В коридорах здания федерального окружного суда, расположенного в центре Лос-Анджелеса, совсем нет скамеек. Присесть тут негде. Если кто-то попытается усесться прямо на мраморный пол, его поднимет первый же судебный пристав. А судебные приставы все время расхаживают по коридорам.

Подобный недостаток гостеприимства объясняется тем, что федеральное правительство не желает, чтобы кто-нибудь подумал, будто правосудие осуществляется здесь медленно или не осуществляется вообще. Оно не хочет, чтобы народ толпился в коридорах, напряженно ожидая, когда объявят слушание дела. Достаточно и того, что происходит на другой стороне Спринг-стрит — в уголовном суде округа. Каждый день скамейки на всех этажах буквально забиты посетителями. В основном это женщины и дети, чьи мужья, отцы или любовники оказались в заключении. Как правило, они чернокожие или цветные. Все это очень похоже на переполненные спасательные шлюпки, пассажиры которых, стиснутые как сельди в бочке, носятся по волнам, ожидая, когда их наконец спасут. Судебные выскочки так и называют их — «люди в лодках».

Размышляя об этом, Гарри Босх стоял с сигаретой в зубах на ступеньках федерального суда. Это ведь еще

не все — в здании нельзя курить, так что во время перерывов в судебных заседаниях ему приходилось спускаться на лифте и выходить наружу. Там стояла заполненная песком урна — как раз за статуей женщины с повязкой на глазах, державшей в руках весы. Босх никак не мог запомнить, как ее зовут. Вроде бы это богиня Правосудия — кажется, греческая, — но уверен он не был. Развернув сложенную газету, Босх перечитал интересовавшую его статью.

Раньше он читал по утрам только спортивный раздел, уделяя особое внимание последним страницам — со статистикой. Эти колонки с их числами и процентами вносили в его душу успокоение. Они были точными и ясными, олицетворяя собой полный и абсолютный порядок в этом беспорядочном мире. Зная, кто в «Доджерс» забил больше всего голов, Босх ощущал свою связь с городом и с его жизнью.

Но сегодня спортивный раздел газеты «Лос-Анджелес таймс» так и остался лежать у него в портфеле, стоявшем сейчас в зале заседаний. В данный момент в руках Босха находился раздел «В городе». Он тщательно сложил газету вчетверо — так, как делают водители на шоссе, чтобы можно было читать за рулем; статья о суде находилась в нижнем углу первой страницы раздела. Вновь перечитав ее, он снова почувствовал, как его лицо краснеет, — речь в статье шла о нем самом.

НАЧИНАЕТСЯ СУД ПО ДЕЛУ О ПАРИКЕ

Сегодня в Лос-Анджелесе начинается слушание необычного гражданского дела, по которому один из полицейских детективов обвиняется в превышении власти: четыре года назад он убил подозреваемого в совершении серийных убийств, который, по его мнению, пытался достать оружие. На самом деле предполагаемый убийца пытался достать свой парик.

Иск сорокатрехлетнему полицейскому детективу Гарри Босху предъявлен в федеральном окружном суде вдовой Нормана Чёрча. Именно этого работника авиакосмической промышленности застрелил Босх в разгар расследования так называемого дела Кукольника.

Более чем за год до инцидента полиция начала разыскивать серийного убийцу, названного так журналистами за то, что он накладывал косметику на лица одиннадцати своих жертв. Охота за этим преступником широко освещалась в прессе. Отличительным признаком этого дела было то, что убийца отправлял Босху и «Таймс» свои записки и даже целые поэмы.

После убийства Чёрча полиция объявила, что располагает неопровержимыми доказательствами того, что этот инженер-механик и был убийцей.

Босха отстранили от службы, а потом перевели из специальной группы по расследованию убийств, входящей в состав отдела по расследованию ограблений и убийств Управления полиции Лос-Анджелеса, в бригаду по расследованию убийств Голливудского участка. Это понижение по службе, как объяснили в полиции, было связано с тем, что Босх нарушил некоторые обязательные требования — в частности, не вызвал подкрепление в квартиру в районе Сильвер-Лейк, где и произошел фатальный инцидент.

Тем не менее руководство полиции считает убийство Чёрча «хорошим» — на жаргоне управления полиции это значит, что его нельзя отнести к числу неоправданных.

Поскольку смерть Чёрча исключила проведение суда, большая часть собранных полицией доказательств никогда не была представлена публично и под присягой. С проведением слушаний в федеральном суде это, возможно, изменится. Ожидается, что длившийся неделю процесс отбора присяжных завершится сегодня, после чего последуют вступительные речи сторон.

Джозл Бреммер, обозреватель «Таймс»

Для того чтобы закончить чтение статьи, Босху пришлось развернуть и снова свернуть газету. Внимание сразу же привлекло его собственное фото, красовавшееся

на внутренней странице. Оно было старым и весьма походило на фотографию арестованного преступника. Собственно говоря, это был тот же самый снимок, что и на полицейском удостоверении. Фотография возмутила Босха больше, чем сама статья. Поместив такой снимок, газета нарушила его право на неприкосновенность личной жизни. Тем не менее он все же постарался сосредоточиться на том, что было написано в статье.

Поскольку во время инцидента Босх находился при исполнении служебных обязанностей, его будет защищать представитель городской прокуратуры. Если истец выиграет иск, платить придется не Босху, а городским налогоплательщикам.

Жену Чёрча Дебору представляет адвокат по гражданским правам Хани Чандлер, специализирующаяся на делах, связанных с полицейским произволом. В интервью, данном на прошлой неделе, Чандлер заявила, что попытается доказать жюри, что Босх действовал в такой безответственной манере, что фатальный инцидент с Чёрчем был практически неизбежен.

«Детектив Босх действовал как ковбой, и в результате погиб человек, — сказала Чандлер. — Не знаю, вел ли он себя просто безответственно, или за этим кроется нечто более чудовищное, — это мы как раз и выясним на суде».

Эту строчку Босх перечитал по меньшей мере шесть раз. Чудовищно. Что она хотела этим сказать? Он пытался выбросить ее слова из головы, понимая, что Чандлер не станет использовать газетное интервью для ведения психологической войны, однако это здорово смахивало на предупредительный выстрел. Ему давали понять, что дальше будет еще интереснее.

Чандлер заявила, что она также собирается поставить под сомнение версию полиции о том, будто Чёрч и был Кукольниковом. По ее словам, Чёрч, отец двух дочерей, не

был тем серийным убийцей, которого искала полиция; этот ярлык ему приклеили только для того, чтобы скрыть совершенное Босхом.

«Детектив Босх хладнокровно убил невинного человека, — сказала Чандлер. — Нашим гражданским иском мы стремимся сделать то, чего не сделали управление полиции и окружной прокурор, — выяснить правду и восстановить доброе имя семьи Чёрч».

Босх и защищающий его помощник городского прокурора Родни Белк отказались дать свои комментарии. Наряду с Босхом на слушаниях, которые продлятся одну-две недели, должны дать показания также...

— Эй, друг, у тебя нет лишней мелочи?

Оторвавшись от газеты, Босх увидел перед собой знакомое лицо чумазого бездомного, промышлявшего перед зданием суда. Всю неделю, пока шел процесс отбора присяжных, бродяга обходил свой участок, выпрашивая мелочь и сигареты. Его наряд составляли вельветовые брюки и надетый поверх двух свитеров поношенный твидовый пиджак. В руках он держал пластмассовый пакет с пожитками и большую чашку, куда предлагал бросать мелочь. Он также всегда носил с собой желтую подушку, сплошь покрытую какими-то надписями.

Инстинктивно похлопав себя по карманам, Босх пожал плечами. Мелочи у него не было.

— Знаешь, я бы взял и доллар.

— Лишнего доллара тоже нет.

Оставив его в покое, бездомный заглянул в урну. Из песка торчали пожелтевшие окурки. Подложив под руку желтую подушку, бродяга начал их сортировать, отбирая те, в которых оставалось хотя бы с полсантиметра табаку. Время от времени ему удавалось найти почти целую сигарету, и тогда он прищелкивал языком в знак одобрения. Собранный в урне урожай он также отправлял в чашку для пожертвований.

Довольный своими находками, бездомный отступил от урны и посмотрел на статую. Затем, взглянув на Босха, он подмигнул и начал покачивать бедрами в непристойной имитации полового акта.

— Ну как тебе моя девочка? — спросил он.

После этого он поцеловал себе руку и, встав на цыпочки, похлопал статую по ноге.

Прежде чем Босх успел как-то на это отреагировать, зазвучал висевший у него на поясе пейджер. Отступив еще на два шага, бродяга вдруг поднял вверх руку, словно защищаясь от какого-то невидимого бедствия, и на его лице появилось паническое выражение. Очевидно, в мозгу у него что-то заклинило, и нервные импульсы перестали проходить туда, куда надо. Развернувшись, бродяга стремглав понесся по Спринг-стрит, держа под мышкой чашку с сигаретами.

Проводив его взглядом, Босх снял с пояса пейджер: на дисплее высветилось число «девяносто восемь». Это был номер лейтенанта Харви Паундза из Голливудского участка. Ткнув в песок то, что осталось от сигареты, Босх направился к зданию суда. На втором этаже, возле залов судебных заседаний, висели телефоны-автоматы.

— Ну, как там у тебя дела, Гарри? — спросил Паундз.

— Как обычно. Жду у моря погоды. Жюри уже составлено, и теперь юристы сидят у судьи и решают вопрос насчет открытия слушаний. Белк сказал, что мне там быть не нужно, так что я просто болтаюсь поблизости.

Он посмотрел на часы. Без десяти двенадцать.

— Скоро они уйдут на обеденный перерыв, — добавил он.

— Это хорошо. Ты мне нужен.

Босх не ответил. Паундз обещал ему, что до окончания суда не будет привлекать его к расследованиям. Еще неделю, ну максимум две. Это обещание Паундз не мог

не выполнить. Он прекрасно понимал, что Босх просто не в состоянии заниматься делами об убийстве, по четыре дня в неделю находясь в федеральном суде.

— А что случилось? Я считал, что пока вычеркнут из списка.

— Так-то оно так. Но тут есть одна проблема, которая тебя касается.

Босх снова помедлил. С Паундзом всегда так. Гарри скорее доверился бы уличному информатору, чем ему. У Паундза всякий раз имеется скрытый мотив. Кажется, сейчас лейтенант опять исполняет свой обычный танец. Напускает туману, пытаясь заставить Босха проглотить наживку.

— Проблема? — наконец сказал Босх. Такой вот уклончивый ответ.

— Ну, как я понимаю, ты уже видел сегодняшнюю газету — «Таймс» со статьей о твоём деле?

— Угу, только что ее читал.

— Так вот, мы получили еще одну записку.

— Записку? О чем это вы говорите?

— Я говорю о том, что кто-то подбросил записку в дежурную часть. Записка адресована тебе. И будь я проклят, если она не напоминает те, которые ты получал от Кукольника, когда все это происходило.

Босх готов был поклясться, что Паундз прямо-таки смакует свои слова.

— Но если она адресована мне, то как вы о ней узнали?

— Ее доставили не по почте. Она была без конверта. Всего одна страничка, сложенная в несколько раз, а сверху написано твое имя. Кто-то оставил ее в дежурной части, а потом, как ты можешь догадаться, кто-то ее прочел.

— И что же в ней написано?

— Ну, тебе это вряд ли понравится, Гарри, уж очень все не вовремя... В общем, в записке говорится, что ты

взял не того, кого нужно, и что Кукольник все еще где-то поблизости. Тот, кто написал записку, говорит, что он и есть настоящий Кукольник и что счет жертвам продолжается. Говорит, что ты убил не того.

— Чушь все это! Письма Кукольника были напечатаны, например, в книге Бреммера. Так что любой может скопировать его стиль и написать такую записку. Ты...

— Ты что, принимаешь меня за идиота, Босх? Я прекрасно понимаю, что это мог написать любой. Автор записки тоже это понимал, и в доказательство приложил к ней небольшую «карту сокровищ». Он указал, как найти тело очередной жертвы.

Наступила долгая пауза — пока Босх размышлял, а Паундз ждал.

— Ну и?.. — спросил наконец Босх.

— Я и послал Эдгара на поиски. Ты помнишь заведение «У Бинга»?

— «У Бинга»? Ну да, это к югу от Бульвара. Бильярдная. Но разве она не сгорела во время прошлогодних беспорядков?

— Точно, — сказал Паундз. — Сгорела дотла. Ее разграбили и сожгли. Остались только три стены и бетонная плита. Есть распоряжение о сносе, но владелец его еще не выполнил. В любом случае это место было указано в записке, которую мы получили. В записке говорится, что тело лежит под бетонной плитой. Эдгар отправился туда с городской бригадой, прихватив отбойные молотки и все прочее...

Паундз замолчал. «Что за мелкая душонка!» — подумал Босх. Ну, на этот раз он подождет. Молчание сильно затянулось, и Паундз наконец не выдержал:

— И он нашел тело женщины. Именно там, где было указано в записке. Под плитой. Это...

— Сколько оно там пролежало?

— Пока не знаю. Похоже, довольно долго. Вот почему я и звоню. Мне нужно, чтобы ты во время обеденного перерыва подъехал туда и посмотрел, что можно из этого извлечь. В смысле, на самом деле это жертва Кукольника или нас пытается надуть какой-то другой сумасшедший? Ты же у нас эксперт. Ты можешь поехать туда, когда судья объявит перерыв на обед. Там я тебя встречу. А к вступительным речам ты вернешься.

Босх оцепенел. Сейчас ему нужна была еще одна сигарета. Он отчаянно пытался хоть как-то переварить сообщение Паундза. Кукольник — Норман Чёрч — умер четыре года назад. Ошибки здесь быть не может. Босх знал это тогда и сейчас нутром чувствовал то же самое. Чёрч — это и есть Кукольник.

— Значит, записка только что появилась в дежурной части?

— Сержант из дежурной части обнаружил ее на стойке четыре часа назад. Никто не видел, как ее оставили. Знаешь, по утрам там проходит куча народу. Плюс пересменка. По моему поручению Михан разговаривал с людьми из дежурной части. Никто из них ничего не помнит.

— Черт! Прочтите ее мне.

— Не могу. Она у криминалистов. Сомневаюсь, что они чем-то помогут, но нужно все-таки соблюдать установленную процедуру. Я получу копию и привезу ее на место преступления, ладно?

Босх ничего не ответил.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал Паундз, — но давай пока придержим коней и посмотрим, что там есть. Оснований для беспокойства пока нет. Может, это какой-то фокус той адвокатессы Чандлер. Не стоит ее недооценивать. Она такая — готова пойти на что угодно, чтобы прибить на стену еще один скаल्प лос-анджелесского полицейского. Любит, когда о ней пишут газеты.

— А как пресса? Журналисты что-нибудь пронюхали?

— Насчет найденного тела было уже несколько звонков. Наверно, перехватили сообщение с частоты коронера — мы-то соблюдали режим радиомолчания. Во всяком случае, никто еще не знает о записке или о том, что здесь замешан Кукольник, — известно только, что нашли тело. Думаю, то, что оно найдено под полом помещения, сгоревшего во время беспорядков, выглядит весьма сексуально.

— Пока нам стоит попридержать информацию о Кукольнике. Конечно, если автор записки сам не разошлет копии в прессу. Если он сделал так, то к концу дня мы об этом услышим.

— Но как же он похоронил ее под бетонной плитой, да еще в бильярдной?

— Ну, бильярдная занимала не все здание. В задней части были еще склады. Раньше там находилась музыкальная студия, а когда бильярдная заняла переднюю часть здания, остальные помещения сдали в аренду. Все это выяснил Эдгар — он сумел найти владельца. Убийца, наверно, был в одной из этих комнат, пробил там плиту и положил вниз тело этой девушки. Во время беспорядков все сгорело дотла, но плиту пожар не повредил. Тело бедной девушки все это время оставалось внизу. Эдгар говорит, оно стало похоже на мумию.

Дверь, ведущая в зал заседаний номер четыре, внезапно открылась, и из нее показались члены семьи Чёрч в сопровождении своего адвоката. Начался обеденный перерыв. Дебора Чёрч и ее дочери-подростки не смотрели на Босха, а вот Хани Чандлер, которую большинство копов называли Мани¹ Чандлер, бросила на него взгляд убийцы. Ее темные глаза неплохо смотрелись на загорелом лице с сильным подбородком. Это была привлекательная женщина с гладкими золотистыми волосами;

¹ *Money* — деньги, денежный, выигрыш на скачках (англ.).

очертания ее фигуры скрывались за чопорными линиями синего делового костюма. Когда она проходила мимо, Босха обдала волна враждебности.

— Босх, ты меня слушаешь? — спросил Паундз.

— Угу. Кажется, обеденный перерыв только что начался.

— Вот и хорошо. Тогда двигай туда, а я тебя встречу. Сам не могу поверить, что такое говорю, но я и вправду надеюсь, что это другой псих. Для тебя это было бы лучше всего.

— Это точно. — Уже вешая трубку, он услышал голос Паундза и снова поднес ее к уху.

— И еще одно. Если там появится пресса, предоставь ее мне. Как ни крути, формально ты не должен быть вовлечен в новое дело из-за судебной тяжбы относительно старого. Можно сказать, что мы привлекаем тебя в качестве эксперта.

— Ладно.

— Ну, жду твоего приезда.